

А. Фадлан

Путешествие ИБН-Фадлана на Волгу

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
А11

А11 **А. Фадлан**
Путешествие ИБН-Фадлана на Волгу / А. Фадлан – М.: Книга по Требованию, 2023. – 227 с.

ISBN 978-5-458-28884-2

«Записка» Ахмеда Ибн-Фадлана – чрезвычайно важный источник по истории Восточной Европы X века. Ее автор посетил Волжскую Булгарию в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908-932 гг.). Поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии, который, желая избавиться от власти хазар, просил покровительства халифа и обещал принять ислам. Посольство вышло из Багдада в 921 г. и прибыло в Волжскую Булгарию в мае 922 г. О его результатах ничего не известно, но Ибн-Фадлан (возможно, второе лицо в посольстве) оставил подробный отчет о путешествии, и в этом отчете приводится множество уникальных сведений этнографического характера о гузах, башкирах, булгарах и хазарах. Кроме этого, Ибн-Фадлан видел в Булгарии русов и оставил подробное описание их погребального обряда.

ISBN 978-5-458-28884-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим изданием Академия Наук СССР начинает серию переводов арабских источников для истории народов нашего Союза. Мысль о подготовке свода этих источников оформлялась еще в начале 30-х годов, когда была опубликована в изданиях Академии Наук записка с характеристикой намеченного плана и приемов. Первоначально предполагалось составить единый большой свод, осуществление которого требовало долгого ряда лет и сложной предварительной работы. Быстрые темпы развития нашей исторической науки и усиленный интерес, проявляемый к арабским источникам за последнее время, побудили перейти к изданию переводов отдельными самостоятельными выпусками, посвященными или определенному автору или группе однородных произведений.

Выбор содержания для первого выпуска, помимо внутренних соображений, был ускорен обстоятельством внешнего порядка. Всем историкам известно, какое значение среди арабских источников в этой области имеет записка Ибн-Фадлана о его путешествии к волжским булгарам в начале X в. Впервые привлеченная к исследованию больше ста лет тому назад, она в течение века доставляла богатый материал для исследований специалистов по истории и арабистов-филологов. Однако при изучении текста записки они до сих пор были вынуждены исходить исключительно из тех извлечений, которые сохранены одним географом начала XIII в. и которые в общем стали известны уже в 20-х годах прошлого столетия.

Между тем в 1935 г. в распоряжение Академии Наук СССР, благодаря вниманию Иранского правительства, поступила фотография с открытой в 1923 г. в Мешхеде новой рукописи Ибн-Фадлана, в которой записка его сохранилась в значительно более полном виде, чем было известно до сих пор. Это обстоятельство настоятельно требовало возможно быстрого ознакомления всех историков с новым важным материалом в переводе, учитывающем все результаты, достигнутые до сих пор при изучении текста Ибн-Фадлана. Настоящая работа представляет только первый шаг в исследовании нового материала и не претендует на решение всех вопросов, связанных с Ибн-Фадланом вообще. Из вступительной статьи ясно, сколько таких вопросов подлежит дальнейшему изучению как историков, так и филологов. Тем не менее новая рукопись

представляет настолько важное значение, что перевод ее несомненно даст толчок дальнейшему изучению; можно надеяться, что в истории исследования Ибн-Фадлана это открытие явится таким же этапом, как в свое время работы Френа и Розена.

Дальнейшие выпуски, посвященные сведениям других арабских источников о странах и народах СССР, готовятся к печати.

И. Крачковский.

**ИБН-ФАДЛАН И МЕШХЕДСКАЯ
РУКОПИСЬ**

Прошло уже более ста лет, как трудами Януса Расмуссена и особенно акад. Христиана Френа замечательные рассказы арабского писателя начала X в. Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии к волжским булгарам сделались достоянием науки. С тех пор, благодаря яркости описания, богатству материала, относящегося к отдаленной эпохе, из которой дошло так мало сведений, это описание приобрело большую известность. Многочисленные общие историки материальной культуры и верований, археологи и этнографы широко использовали эти данные как в специальных исследованиях, так и в общих курсах, в популярных книгах вплоть до учебников. Немалую роль уже с самого своего открытия сообщения Ибн-Фадлана играли в пресловутой полемике между так называемыми, норманнистами и антинорманнистами, тянувшейся более столетия. Наконец, самый яркий и драматический эпизод, описанный Ибн-Фадланом нашел свое воплощение в грандиозной картине Генриха Семирадского „Похороны руса“.

Между тем произведение Ибн-Фадлана до последнего времени было известно только в отдельных отрывках в извлечениях, сделанных три века после него другим арабским писателем, трудолюбивейшим и учнейшим компилятором Якутом для его „Географического словаря“. Он же был первым ученым, который пытался отнестись так или иначе критически к нашему автору. Абу-Абдаллах Якут аль-Хамави ар-Руми (т. е. „византиец“) родился около 1179 г. в пределах Византии от родителей не-арабов и еще ребенком был захвачен в плен и продан в рабство некоему торговцу в Багдаде по имени Аскар ибн-Ибрахим аль-Хамави. Этот последний дал ребенку хорошее образование, и по его поручению Якут ездил по коммерческим делам. В 1199 г. он получил свободу и одно время зарабатывал на жизнь переписыванием книг. Он было обосновался на постоянное жительство в Багдаде и сделался книгопродавцем. Однако с 1213 г. снова начинаются его путешествия, среди которых Якут, соединяя торговлю с научными занятиями, знакомился со многими городами и странами. Он едет в Табриз, потом в Сирию, в Египет, оттуда опять в Сирию (Дамаск, Алеппо), потом в Мосул, наконец в Мерв в Хорасане. Здесь он остается два года, усиленно занимаясь в богатых местных библиотеках. Именно здесь он начинает собирать материалы для своих главных работ, и его пребывание здесь для нас приобретает особый интерес, так как именно в Мерве или вообще в Хорасане он, вероятнее всего и нашел сочинение Ибн-Фадлана. Действительно, Якут уверяет,

что в его время это сочинение было весьма распространено и находилось у многих лиц. Однако все же несомненно, что багдадские ученые, вообще писатели более западной части арабского мира, повидимому, не имели об этом сочинении никакого понятия.¹ А между тем им пользовался Ахмед Тусский, имя которого связано со старой столицей Хорасана, Тусом, новейшим Мешхедом, тем самым, где и была найдена пока единственная дошедшая до нас рукопись сочинения самого Ибн-Фадлана. Таким образом приведенные выше слова Якута, по всей вероятности, должны быть отнесены только к восточному Ирану, где он сам познакомился с сочинением нашего писателя. Среди ученых занятий и путешествий в Хорасане и Хорезме Якута застигла надвинувшаяся тогда монгольская гроза — Чингис-хан. Пришлось бросить все и бежать, сначала в Мосул, а потом в Алеппо к ученому и гостеприимному везиру Ибн-аль-Кифти, автору большого биографического словаря ученых. Якут прибыл к нему в 1222 г. Спокойное пребывание в Алеппо в течение двух лет дало ему возможность завершить свое грандиозное дело — составление огромного „Географического словаря“, который он закончил 13 марта 1224 г. Потом он ездил в Мосул и Египет и, наконец, в 1228 г. опять вернулся в Алеппо. Здесь он все еще продолжал работать над отделкой своего географического сочинения и умер 20 августа 1229 г.²

„Географический словарь“ Якута, над которым он работал с 1215 г. до смерти, представляет всеобъемлющую компиляцию, целую энциклопедию, без которой в наше время трудно себе представить научную работу не только в области исторической географии, но и в истории соответствующих стран вообще. Не так было во времена Я. Расмуссена. „Должно казаться странным, — писал Х. Френ в 1823 г. (Fr. Rus., Библ. 15,³ р. XIV), — что такое важное сочинение, с изданием которого наша география Азии сделала бы гигантский шаг вперед, так мало было использовано до Я. Расмуссена. Только, как мне кажется, Голиус⁴ и Келер⁵ наводили в нем справку, и последний, повидимому, очень скуп“. Таким образом Я. Расмуссену принадлежит не только та заслуга, что он впервые извлек Ибн-Фадлана из компиляции Якута, но что он вообще обратил надлежащее внимание на „Географический словарь“ этого последнего. Итак, в 1814 г. в Копенгагене в датском ежемесячнике „Athene“, издававшемся Molbesh'ом, появилась статья Я. Расмуссена под назва-

¹ Так, напр., о нем ничего не говорит багдадец ан-Надим, автор Фихриста, живший в конце X в., хотя его сочинение представляет собою указатель всех известных ему предшествующих арабских сочинений по самым разнообразным областям знания.

² См. R. Blachère в „Enc. de l'Islam“ IV, p. 1216.

³ Цифры при отметке „Библ.“ указывают на номера данного мною на стр. 172—182 „Обзора источников и пособий“, а „Fr. Rus.“ и т. п. представляют условные сокращения, раскрытые в том же „Обзоре“ в „Указателе сокращений“.

⁴ J. Golius в комментариях к изданию „Muhammedis fil. Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur Elementa astronomica“. Amstelodami, 1669.

⁵ J. B. Köhler. Abulfedae Tabula Syriae. Lipsiae, 1766.

нием: „О знакомстве и торговле арабов с Россией и Скандинавией в средние века“ (Библ. 23), в которой и был дан датский перевод всей главы Якута о русах (стр. 305—318). Основывался этот перевод на копенгагенской рукописи (Библ. 4), одной из двух рукописей Якута, известных тогда в Европе. Статья Я. Расмуссена вызвала большое внимание и одобрение критики и вскоре вышла в шведском и английском переводах (Библ. 23). В настоящее время первоначальный датский перевод, а в особенности шведский и английский, из которых последний к тому же сделан весьма небрежно, потеряли научное значение, тем более, что впоследствии, в 1825 г., Я. Расмуссен издал отдельно еще латинский перевод рассказа Ибн-Фадлана о русах, в котором он уже принял во внимание вышедшую за это время капитальную работу Френа. Этот латинский перевод таким образом является последним словом Я. Расмуссена в этой области (Библ. 24). Данный перевод я привлекаю, главным образом, потому, что Я. Расмуссен сделал его непосредственно с копенгагенской рукописи, которую Х. Френ использовал лишь косвенным образом и которую Вюстенфельд и Зейпель не могли использовать вовсе. С другой стороны, Я. Расмуссен соединял в себе знания арабиста и знакомство со скандинавскими древностями, что в отдельных случаях представляло известное преимущество.

Однако все же заслуга создания действительно капитального труда по изучению Ибн-Фадлана принадлежит акад. Х. Френу. Толчком к его изысканиям явилось, несомненно, начинание Я. Расмуссена, но Х. Френ едва ли смог бы осуществить свою задачу, если бы к тому времени, а именно в 1819 г., в Азиатском музее не была получена почти полная рукопись сочинения Якута из собрания Руссо (Библ. 2). Конечно, Х. Френ не ограничился ею, а постарался так или иначе привлечь и две другие известные тогда в Европе рукописи — копенгагенскую и оксфордскую, но все же рукопись Азиатского музея легла в основу его работы.

Так как сообщения Ибн-Фадлана сохранились в разных частях словаря Якута, под разными рубриками, то Х. Френу было весьма удобно извлекать их по очереди и обрабатывать в виде монографий. Таким образом в 1822 г. он издал по тексту Якута сообщение Ибн-Фадлана о хазарах (Библ. 13) и о башкирах (Библ. 14). В том и другом дано латинское предисловие, арабский текст, латинский перевод и комментарии, которые в статье о хазарах содержат параллельные арабские тексты из Ибн-Хаукаля и других авторов. Кроме того, там еще особо приложены выписки (арабские тексты и переводы) сообщений Якута и Ибн-Хаукаля о разных городах Хазарии, непосредственного отношения к Ибн-Фадлану не имеющие. Уже в этих своих изданиях Х. Френ делает ссылки на следующую свою работу, которая тогда была готова в рукописи. Этот капитальный труд, вышедший в 1823 г. на немецком языке, посвящен повествованию Ибн-Фадлана о русах (Библ. 15). План этого сочинения тот же, что и предыдущих, но в нем Х. Френ произвел огромную работу, широко использовав свою эрудицию ориенталиста. Всего в этом сочинении LXXXI + 281 = 362 стр., из которых лишь 10¹/₂ содержат основ-

ной арабский текст Ибн-Фадлана и столько же страниц немецкого перевода. Остальное представляет собой обширное вступление, подробнейший комментарий с привлечением всех доступных в то время данных и три приложения: 1) конъектуры имен племен русов, упомянутых у Ибн-Хаукаля и у некоторых других арабов, 2) о варягах и варяжском море у арабских географов и 3) опыт о народе „вису“. Далее идут тоже довольно обширные дополнения и исправления и к комментариям и к упомянутым статьям, далее еще дополнение, сданное уже во время печатания, о новых полученных из-за границы выписках из различных арабских авторов, и, наконец, три указателя. После этого капитального труда Х. Френ уже значительно позднее, в 1832 г., издает еще один отрывок из Ибн-Фадлана о булгарах (Библ. 16), тоже на немецком языке, с такой же тщательной обработкой и по тому же плану. Вместе с тем в том же томе „Записок“ Академии 1832 г. Х. Френ помещает особую статью: „Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert“, где разбирает вопросы, касающиеся Булгарии, в тесной связи с только что упомянутым его изданием Ибн-Фадлана.

Значение работ Х. Френа было весьма велико и сохранялось долгое время, можно сказать, до наших дней. В 1902 г. другой выдающийся ориенталист, акад. В. Розен, давая в особой работе „Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана“ (Библ. 27) оценку трудам Френа, говорит: „Читая эти работы теперь, спустя более 70 лет после их появления, сравнивая их с работами, посвященными тому же или аналогичным предметам, не знаешь, чему больше удивляться — глубокой ли и всесторонней учености Френа, критическому ли уменью при обращении с испорченными текстами или же его осмотрительности и осторожности, не переходившим, однако, в нерешительность и не исключавшим известной, вполне законной в научных работах такого характера, смелости при толковании и объяснении показаний арабских авторов. В начале 19-го столетия в литературе востоковедения существовало только одно аналогичное по содержанию сочинение, которое могло выдержать сравнение с Ибн-Фадланом Френа — это «Relation de l'Egypte, par Abd-Allatif», бессмертное творение единственного достойного соперника — современника Френа, Сильвестра де-Саси. Эти два великих имени неограниченно царствуют в области востоковедения в конце 18-го и первой трети 19-го столетия, и трудно решить, кому из них принадлежит пальма первенства“. „И так велико было обаяние Френа, — продолжает В. Розен, — настолько ошеломляющим оказалось впечатление, произведенное его, повидимому, необъятной эрудицией и мощностью его анализа, что все те, которые были в состоянии по справедливости оценить величие совершенного им научного подвига, т. е. ориенталисты, как бы согласились признать результаты, добытые Френом относительно Ибн-Фадлана, окончательными и бесповоротными, и следовательно не подлежащими пересмотру. Я не хочу этим сказать, что не было никаких попыток читать или толковать иначе, чем это делал Френ, отдельные слова арабского текста, объяснять иначе то или другое известие Ибн-Фадлана или дру-

того какого-нибудь арабского автора, цитированного у Френа; таких попыток, более или менее удачных, отчасти основанных на не бывших доступными Френу новых рукописных материалах, отчасти обусловленных вообще успехами арабской филологии, на самом деле было сделано довольно много, и с ними, конечно, придется считаться будущему издателю и комментатору Ибн-Фадлана, но общего пересмотра всего вопроса об Ибн-Фадлане и значении его записки не было сделано ни одним ориенталистом, и как в 1823, так и в 1902 году авторитет исследования Френа остается незыблемым и непоколебимым" (стр. 40—41). Дав такую характеристику, акад. В. Розен, наконец, ставит вопрос о дальнейшем: „Мне кажется, что настало время и для ориенталистов пересмотреть вопрос об Ибн-Фадлане с ориенталистической точки зрения, не столько в частности — хотя и они, конечно, не должны быть забыты — сколько в общем. Мне кажется, что настала пора для ориенталистов спросить себя: неужели в 1902 г. нельзя ничего прибавить к тому, что сказал Френ в 1823 г.?" (стр. 41). Вопросу о таком новом пересмотре и была посвящена только что цитированная статья В. Розена. Но о ней будет идти речь в своем месте.

Итак, за те семьдесят лет, о которых говорит В. Розен, изучение Ибн-Фадлана все же продолжало двигаться вперед.

Прежде всего Френ извлек из Якута не все отрывки Ибн-Фадлана. Остались еще два, находящиеся у Якута под рубриками: „Итиль“ и „Хорезм“. Первый из них, заключающий описание некоего великана, приплывшего в г. Булгар с севера, попутное упоминание народа вису и рассказ о стене Гога и Магога, сообщен у Френа в сокращенном пересказе в статье о народе вису (Fr. Rus., SS. 207—208, 227—228). Полный перевод на русский язык всей этой статьи у Якута дан впервые только в упомянутой статье В. Розена (стр. 54—56). Второй отрывок, о Хорезме, вовсе не был переведен Х. Френом. А между тем он не только содержит ценные сами по себе сведения, но также интересные возражения Якута на сообщения Ибн-Фадлана, важные с точки зрения выяснения взаимоотношения этих авторов и оценки достоверности сообщаемых ими фактов. В этом отношении пробел Френа еще в 1864 г. был восполнен Ф. Вюстенфельдом, который как раз тогда начал большую работу по изданию всего словаря Якута и предварительно опубликовал весьма интересную работу под названием „Jâcût's Reisen“ (Библ. 25), где он сопоставил всевозможные рассказы, данные Якутом в его словаре о его собственных путешествиях по разным городам и странам, расположив их по возможности в том порядке, в каком Якут эти путешествия совершил. Понятно, что сюда вошло и описание Хорезма, страны, которую Якут посетил около 1219 г. (прим. 22), и возражения Якута Ибн-Фадлану, сделанные на основании личных наблюдений. Русский перевод этого же отрывка был дан впоследствии опять-таки В. Розеном в „Пролегоменах“ (стр. 56—58). Что касается еще одного последнего отрывка из Ибн-Фадлана о вису, то, насколько знаю, он впервые был указан Минорским в 1937 г. в примечаниях к его пере-

воду Худуд-аль-Алам (Библ. 1, и). Самостоятельного значения этот отрывок не имеет (см. комментарий, прим. 447).¹

Весьма важной и капитальной работой в интересующей нас области явилось далее полное издание „Географического словаря“ Якута, завершенное Фердинандом Вюстенфельдом (Библ. 17). Значение этого издания прежде всего в том, что оно дало возможность всякому знающему арабский язык ознакомиться с сочинением Якута в целом, без пропусков и подчас грубых ошибок, имеющихся в рукописях, и таким образом подойти с более глубокой оценкой к тем отрывкам из Ибн-Фадлана, которые в нем были сохранены. С другой стороны, Вюстенфельд привлек к своей работе гораздо большее число рукописей, чем Френ, и окончательно установил правильное чтение многих мест текста. Действительно, со времен Френа в Европе, кроме прежних трех, появился еще целый ряд новых рукописей, именно парижский кодекс, списанный с константинопольского (Библ. 10), берлинский в собрании Шпренгера (Библ. 6), три кодекса Британского музея (Библ. 7, 8, 9) и, наконец, мешхедский кодекс Якута (Библ. 3). Работе Ф. Вюстенфельда предшествовало, однако, издание еще двух важных сочинений: 1) книги „Китаб аль-муштарик“ самого Якута, где он дает топонимическую номенклатуру имен, которые пишутся одинаково, но обозначают разные местности, книги, изданной самим Ф. Вюстенфельдом в 1846 г. (*Jacut's Moschtarik das ist Lexicon geographischer Homonyme. Herausgeg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1846*) и 2) сокращения „Географического словаря“ Якута, составленного 'Абд-аль-Му'мин ибн-'Абдалхаққ'ом (ум. 1339 г.) и изданного Juynboll'ем в 1851—1864 гг. (Библ. 22). Оба эти сочинения, в частности тщательная критическая работа Juynboll'a, просмотренная известным арабистом Флейшером, много помогли дальнейшей работе по изданию большого якутовского словаря. Ф. Вюстенфельд начал с того, что на протяжении 1861 г. списал весь берлинский кодекс. В 1862 г. благодаря содействию Б. Дорна он сравнил свой текст с рукописью Азиатского музея (Библ. 2), в следующем, 1863 г., с копией, сделанной с мешхедской рукописи Якута для Ханыкова (Библ. 3), потом с парижским (Библ. 10), оксфордским (Библ. 5) и некоторыми другими кодексами, разночтения которых не нашли отражения в текстах Ибн-Фадлана. Копенгагенским кодексом (Библ. 4) Ф. Вюстенфельд не пользовался, но получал о нем отдельные справки через профессора Mehren'a. Конечно, в своей работе Вюстенфельд привлек и разные другие арабские сочинения, представлявшие параллель к данным текстам. Кроме того, близкое участие в его работе советами, указаниями и просмотром текста при-

¹ Кроме того, Якут ссылается еще на какого-то Ибн-Фадлана в сообщении о сирийском городе аль-Ладикйя, именно (IV, 339, l. 11): „Сказал Ибн-Фадлан: «аль-Ладикйя город древний, названный по имени того, кто ее построил. Я видел в ней в 446-м году удивительную вещь» и т. д.“. Так как 446 год хиджры (1054—1055 г. н. э.) указывает на время, более чем на сто лет позднее времени жизни нашего Ахмеда Ибн-Фадлана, то пока, впредь до особого исследования, приходится считать, что речь здесь идет о другом лице.